

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033

Н. Н. Тарусина*

Семья как общеправовая конструкция

Аннотация. Статья посвящена оптимизации существенных признаков семьи, которые могли бы явиться основой для ее нормативно-правового дефинирования в Семейном кодексе Российской Федерации в качестве понятия общеправового типа. Автор анализирует различные позиции цивилистической доктрины о такой возможности (невозможности), фиксирует вариации семейных союзов, демонстрирует проблемные аспекты их юридического существования или претензии на существование — на основе родительства при судебном установлении отцовства, несовершеннолетнего родительства, суррогатного материнства и т.п., а также на далеко не безупречной основе гендерного многообразия. Автор отмечает противоречивые позиции российского законодателя по указанной проблеме: опираясь на традиционные ценности, последний, безусловно, не склонен к легализации союзов с нетрадиционной сексуальной ориентацией, однако в ряде случаев он как бы потворствует противоположному, не устанавливая правовых последствий соответствующих актов и состояний. В заключение на основе предположений, выработанных доктриной семейного права, автор предлагает композицию существенных и юридически значимых признаков семьи, которая позволит спроектировать ее общенормативную дефиницию. В качестве предположения, по мнению автора, можно руководствоваться следующей версией: семья есть объединение граждан, которые находятся в предусмотренной законом семейно-правовой связи (на основе супружества, родительства и детства, родства, свойства, опеки и (или) попечительства, приемного родительства, усыновления (удочерения), иждивения и др.), совместно проживают и ведут общее домохозяйство, наделены правами и обязанностями, соответствующими статусу семьи; членство в семье сохраняется при временном раздельном проживании, обусловленном уважительными причинами.

Ключевые слова: семья; правовая конструкция; понятие; универсальность признаков.

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 4. — С. 21—33. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033.

Family as a General Legal Structure

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Merited Lawyer of the Russian Federation
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The paper is devoted to facilitation of essential features of the family, which could be the basis for its legal definition in the Family Code of the Russian Federation as a a general legal type concept. The author has analyzed different civilistic doctrinal approachers to such a possibility (impossibility), highlighted different variations of family unions, demonstrated problematic aspects of their legal existence or pretences for existence on the basis of parenthood when paternity is established in court proceedings, minor parenthood, surrogate motherhood, etc., as well as on the basis of a far from impeccable ground of gender diversity. The author notes the contradictory positions of the Russian law-maker regarding this matter: relying on traditional values, the latter, of course, does not tend to legalize unions between people with unconventional sexual orientation, but in some cases it seems to condone the opposite without establishing the legal effects of the acts and statements. In conclusion, on the basis of the assumptions developed under the family doctrine, the author proposes a composition of essential

© Тарусина Н. Н., 2020

* Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
nant@uniyar.ac.ru

and legally significant features of the family, which will allow to design its general definition. As an assumption, the author suggests that one can be guided by the following draft definition: the family is an association of citizens who have a legal relationship regulated under family law (on the basis of marriage, parenthood and childhood, kinship, affinity, custody and/or guardianship, foster parenthood, adoption, dependance, etc.), live together and lead common household, have rights and obligations corresponding to thier family status; family membership is retained in case of temporary separation for good reasons.

Keywords: family; legal structure; concept; universality of features.

Cite as: Tarusina NN. Semya kak obshchepravovaya konstruktsiya [Family as a General Legal Structure]. *Lex russica*. 2020;73(4):21—33. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033. (In Russ., abstract in Eng.).

Современные законодательные технологии среди прочего предполагают дефинирование основных понятий, обозначающих правовую форму того или иного общественного феномена или юридическую фикцию и используемых в соответствующих нормативных правовых актах. Казалось бы, на данном этапе развития юридической мысли и практики ее воплощения, перевода в пространство социально-правового бытия сие есть одна из аксиом законотворчества эпохи «постмодерна» юриспруденции. Однако встречаются в означенной действительности конструкции, которые, с точки зрения некоторых (а порой даже и весьма многочисленных) представителей юридической науки, относятся к «простым» (как бы очевидным), а иные — к «сложным». Соответственно, первые в дополнительной конкретизации, как правило, не нуждаются или же таковая не представляет непреодолимых трудностей. Вторые же, прежде всего с точки зрения «класса агностиков», нормативно-правовому дефинированию не поддаются, а если гипотетически и способны к этому, требуют несоразмерных результату усилий.

Среди вариаций обозначения юридического существования таких «неподдающихся» явлений юридического и социального мира в це-

лом — допущение нескольких одновременных или последовательных их «реинкарнаций» — в зависимости от потребности той или иной отрасли российского законодательства. Именно подобным «индуистским» флером наделяется конструкция семьи. Впрочем, гамма разнообразия подходов, как и следует из общей посылки, значительно богаче.

Высказано несколько версий о ее юридической сущности и способности к переводу в нормативность права: 1) общеизвестное понятие¹, не нуждающееся по этой причине в определении²; 2) фикция³; 3) комплексная конструкция, неразрывно сочетающая в себе социологические и юридические представления о семейной субстанции, что весьма затрудняет договоренности о ключевых составляющих дефиниции или вовсе исключает такой мировоззренческий договор⁴; 4) наконец, апофеоз: юридическая сущность семьи для семейного законодательства — одна, для социально-обеспечительного — другая, для жилищного — третья, для наследственного — и вовсе иная⁵ («божественно-космическая» или, наоборот, для некоторых ситуаций — «утилитарно-прагматическая»?..) и т.д.⁶ Пятая версия относится к классической (с точки зрения ее подходов к проблеме), но

¹ См.: Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2006. Т. 3. С. 369.

² Следовательно, в этом контексте конструкция семьи квалифицируется как «простая», что не соответствует обстоятельствам возбужденного по ее поводу дела.

³ См.: *Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М. : Городец, 2007. С. 140.

⁴ См., например: *Нечаева А. М.* Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2007. С. 90—92.

⁵ См., например: Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2016. Т. 3. С. 335. Данная позиция восходит к весьма отдаленным временам. Не погружаясь глубоко в пространство ее истории (и не преследуя таковой цели в настоящей статье), обратимся, например, к текстам 1930—1950-х гг.: в соответствии с законодательством об обязательной военной службе (1939 г.) льготами как члены семьи пользовалась примаки, а в соответствии с жилищным законодательством (1928 г.) — в аналогичном же качестве и домашние работники (см.: *Бошко В. И.* Очерки советского семейного права. Киев : Госполитиздат, 1952. С. 83—84).

⁶ Разумеется, понятие о семье и ее составе исторически изменчиво, но это ее свойство не относится к характеристике четвертой версии. Например, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что российский закон понимает

отнюдь не устоявшейся (с точки зрения ее одобрения в доктрине) и заключается в предположении о реальной возможности дефинирования семьи.

Если согласиться с *первой версией*, то неизбежно следует вывод о возможности фиксации существенных признаков столь «очевидного» понятия. И где же они?.. Следует также заметить, что законодатель отнюдь не избегает дефинировать «общеизвестные понятия». Например, он сообщает россиянам, кто является ребенком (ст. 54 СК РФ) или какой брак может быть признан фиктивным (ст. 27 СК РФ) и т.д. Другое дело, что во многих случаях предлагаемые дефиниции не вполне совершенны или вовсе далеки от указанного состояния. Но это — норма юридической жизни, обыкновение, которое преодолевается корректировкой, а не основание к отказу от попыток нормативно выявить существенные признаки той или иной конструкции. (В этой связи возникает ассоциация с аргументацией позиции об отказе от судебной бракоразводной процедуры вследствие ее явного несовершенства, недостижимости ею цели сохранения семьи: несовершенство процедуры и правоприменительной практики становится не «боевым кличем» к их оптимизации, а «сигналом к капитуляции»...)

Со *вторым предположением*, с учетом отсутствия на данном этапе сколько-нибудь явных «онормативленных» элементов конструкции семьи, в принципе, можно было бы согласиться. Среди аргументов в том числе высказываются следующие: 1) семейно-правовые связи весьма разнообразны; более того, иногда семейное законодательство признает в качестве семейных и такие, которые таковыми не являются, например между мачехой (отчимом) и падчерицей (пасынком), становящимися волею законодателя субъектами алиментных обязательств как члены семьи, не обладая этим качеством; 2) для СК РФ характерна подмена понятия «семья» понятием «брак» (дальнейшая жизнь супругов, сохранение семьи невоз-

можно; фиктивным является брак, заключенный без цели создания семьи, — ст. 22, 27); 3) вся юридическая атрибутика ориентирована на членов семьи, одного из них, но не на семью в целом; соответственно, последняя есть искусственно спроектированное государством явление, «заведомо несуществующее», не обладающее правосубъектностью, хотя и порождающее юридически значимые формулы «интересы семьи», «защита семьи»⁷.

Однако, во-первых, указанные субъекты могут как являться, так и не являться членами семьи — в зависимости от конкретных обстоятельств (подробнее об этом см. далее). Во-вторых, никакой подмены понятий, на наш взгляд, не происходит: создание и сохранение семьи в форме супружеской общности (с возможным дополнением родительства и (или) попечения) — цель брачного союза. А если законодатель и неточен, из этого не следует с необходимостью вывод о фикции: неточность стрелка не свидетельствует о неприменении дефектах оружия. В-третьих, элементы (черты) правосубъектности у семьи все же просматриваются. В любом случае, подобная версия заслуживает по крайней мере обсуждения⁸. (В связи с анализом «пятого воплощения» семьи мы к данному аспекту проблемы еще вернемся в надлежащем месте.)

Третья версия (о сложном, комплексном характере исследуемой конструкции и, соответственно, предельном затруднении договориться о ее универсальной дефиниции) будет рассмотрена нами в рамках анализа двух последующих, ибо именно он и выстроит часть общей для них аргументации и контраргументации.

Четвертое воплощение — самое интересное. Для иллюстрации указанного подхода применим его к другим юридическим конструкциям. Например, юридическая сущность доказательств может быть одной для гражданского процесса, другой — для уголовного, третьей — для административного?.. Нет, доказательства

семью в ограничительном смысле — как союз «лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих», то есть отца, матери и детей, которые «по достижении возмужалости, в большинстве случаев тот час же обособляются в отдельные союзы» (Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. С. 582—583).

⁷ Ильина О. Ю. Указ. соч. С. 143—147.

⁸ Впрочем, О. Ю. Ильина в одной из новейших своих работ рассматривает семью как особую разновидность договора простого товарищества, что свидетельствует о допущении ею иного подхода к существу исследуемой конструкции (см.: Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 12—15).

есть сведения о фактах, имеющих значение для разрешения юридического казуса (дела) (ст. 55 ГПК РФ, ст. 74 УПК РФ), которые могут, конечно же, различаться по форме, процедуре представления, способам оценки, не меняя, однако, своей «субстантивности». Отдельные расхождения в словесной оболочке указанных текстов принципиального значения не имеют, не создают самостоятельной отраслевой дефиниции.

Следует ли трактовать различным образом понятие «несовершеннолетний» в уголовном праве (коль скоро предусмотрена уголовная ответственность и с 14, и с 16 лет), в семейном праве (где допускается заключение брака с 16 лет, а по решению региональных законодательных собраний — с 15 или 14 лет, с наступлением полной гражданской дееспособности и отнюдь не полной — семейной)? Нет, несовершеннолетний — это лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Конечно, несовершеннолетие/совершеннолетие — это классическая фикция, результат социально-правового консенсуса в правовой системе конкретного государства. Однако это не уничтожает ее общего (универсального) смысла. И этот смысл в том числе заявлен в ст. 54 СК РФ (в соотношении «ребенок» — «несовершеннолетний», хотя и с известными неточностями).

Наконец, в качестве яркой заключительной иллюстрации (разумеется, не исчерпывающей предлагаемого иллюстративного ряда) — конструкция брака, не менее, судя по доктринальной истории вопроса, сложная в формализованном и фактическом смыслах. Допустимо ли полагать брак правоотношением супружества в семейном законодательстве, актом бракосочетания — в административном, договором о семейной (супружеской) общности или же непоименованным договором — в гражданском? Нет, все предложенные трактовки, в зависимости от целеполагания законодателя, правоприменителя или доктринера, возможны во всех указанных сферах: как правоотношение, договор, юридический факт.

Конструкция брака может иметь различное значение (например, для исключения свидетельствования против супруга — в уголовном процессе; для упрощения регистрации факта рождения ребенка на основании презумпции отцовства в браке — в административном и семейном законодательстве; для изменения пер-

сональных данных в документах об образовании и т.п.), может предполагать разнообразные правовые последствия, сохраняя при этом онтологическое единство. Независимо от указанных воплощений, браку присущи условно незыблемые черты: основанность на соглашении сторон (в российской версии и версиях большинства стран — женщины и мужчины), соответствие требованиям процедуры заключения и условиям действительности, наличие цели создания и поддержания семейной общности, правовые последствия в виде специальных супружеских личных и имущественных прав и обязанностей. (Рассматривается же в цивилистике договор как документ, правоотношение, юридический факт, двусторонняя сделка... И такие же вариации употребимы в семейном, трудовом и другом законодательстве, в той или иной степени использующем конструкцию договора.)

Впрочем, как мы неоднократно отмечали в своих трудах, нормативно-правовой дефиниции брака в законодательстве также не предложено, примерно с аналогичной аргументацией, главный компонент которой — сложность и разноплановость (а скорее — разновекторность) обозначаемого явления, что, конечно же, истинно, но не ведет к смирению в деле нормативно-правового дефинирования ключевых понятий/конструкций, составляющих основу для правового регулирования тех или иных видов отраслевых и межотраслевых отношений и для правоприменительной практики.

При этом ряд законодателей ближнего зарубежья нормативно-правовое определение брака «рискует» своим гражданам предложить. Например, в ст. 12 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь заявлено: «Брак — это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности». Примерно в аналогичной правовой позиции находятся законодатели Украины (ст. 21 Семейного кодекса) и Казахстана (п. 26 ст. 1 Кодекса о браке (супружестве) и семье). Причем, как мы также отмечали в других своих трудах, приведенные позиции совпадают с определениями, предлагаемыми российскими цивилистами в сочинениях самого различного ранга⁹, — с некоторыми дополнениями не юридического, а этического характера

⁹ См., например: *Нечаева А. М.* Семейное право. М. : Юрайт, 2019. С. 54—55 ; Семейное право : учебник / под ред. Е. А. Чепрановой. М. : Юрайт, 2019. С. 75.

(о взаимном уважении супругов, о рождении и воспитании детей как одной из целей супружества и т.д.)¹⁰.

Пятое предположение. Так ли невозможно дефинировать понятие/конструкцию семьи? Очевидно, что ее философские, социологические, психологические, этические, экономические, медико-биологические¹¹ характеристики существуют, обсуждаются, консенсуально выводятся в соответствующих научно-отраслевых доктринах, формируют общественное мировоззрение. Однако, в любом случае, их контенты отнюдь не напрямую влияют на содержание характеристик юридически значимых, относительно которых, впрочем, как мы уже отмечали ранее, не достигнуто единства ни в юридической науке (что составляет нашу норму и традицию), ни в законотворческой, ни в правоприменительной деятельности. И это притом, что по совершенно, видимо, загадочным для автора статьи причинам законодатели ближнего зарубежья находят технологии для дефинирования конструкции семьи¹². А ведь наши «юриспруденции» выросли из одного, советского корня¹³...

Какими же субстантивными юридически значимыми характеристиками, в том числе по мысли указанных представителей (п. 1 ст. 59 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, ст. 1 Закона Республики Казахстан о браке и семье, ст. 3 Семейного кодекса Украины), обладает семья?

Первая: ее субъекты объединены между собой тем или иным типом семейно-правовой связи — супружеством, родством любой степени, свойством, усыновлением/удочерением, приемным родительством, опекуном (при определенных дополнительных условиях — прежде всего по факту совместного проживания опекуна и подопечного), фактическим воспитанием, нахождением на иждивении (также исключительно при совместном проживании), фактическим супружеством¹⁴.

Вторая характеристика: указанные субъекты в различных сочетаниях составляют общность, совместное «сожитие». При этом исключения из требования о совместном проживании, разумеется, возможны: временное пребывание одного из супругов в семье детей в качестве «функционала» бабушки или дедуш-

¹⁰ Подобный «романтизм» был характерен для авторов 50—70-х гг. XX в. (см., например: *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. Л., 1965. Т. 3. С. 187; *Белякова А. М., Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М.: Юрид. литература, 1974. С. 87). Однако в контексте сохранения традиционных семейных ценностей он просматривается и в настоящее время.

¹¹ Политические характеристики, разумеется, также присутствуют. Так, В. И. Бошко в один из самых политизированных этапов развития российского/советского законодательства писал: семья — союз лиц, основанный на свободном и равноправном браке или родстве, «идейно связанных участием в строительстве коммунизма»... (*Бошко В. И.* Указ. соч. С. 89).

¹² Как, впрочем, и для дефинирования брака.

¹³ Некоторые авторитетные российские/советские цивилисты невольно своими определениями семьи затрудняли продвижение хотя бы к относительному единству, украшая свои суждения о семейном союзе дополнительными эпитетами и требованиями неюридического свойства. Например, Е. М. Ворожейкин писал: советская семья может быть определена как урегулированная нормами совместная жизнь лиц, возникшая как следствие их союза, либо как результат действий одного из них, либо как следствие рождения ребенка; оформленная в необходимых случаях в установленном порядке; имеющая целью рождение и воспитание детей, взаимную заботу на базе «духовной, психологической интимной общности и на основе совместного ведения семейного хозяйства». При этом автор подчеркивал, что отсутствие стабильной дефиниции семьи, в том числе в законодательстве, не способствует устойчивому правоприменению (см.: *Белякова А. М., Ворожейкин Е. М.* Указ. соч. С. 34—35).

¹⁴ Несмотря на очередной провал законопроекта об определенном (ограниченном) признании правовых последствий фактического брака, мы по-прежнему являемся безусловными сторонниками представления о нем как разновидности семейного союза, а не «блуда» и не договорного партнерства непоименованного гражданско-правового типа (подробнее об этом см., например: *Лушников А. М., Лушников М. В., Тарусина Н. Н.* Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. С. 143—165). Следует заметить, что даже противники установления каких бы то ни было правовых последствий фактического супружества тем не менее признают за ним качество современной разновидности семьи — при наличии повседневных контактов ее участников, характерных для супругов, взаимной поддержки, общей организации быта, то есть характеристик семейной модели отношений (см.: *Косова О. Ю.* «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105—120).

ки, длительная служебная командировка, получение образования в другом городе и т.п. Заметим, весьма дельное уточнение украинского законодателя относительно уважительных причин раздельного проживания супругов и фиксации сохранения семьи при проживании ребенка отдельно от родителей содержится в нормах ст. 3 Семейного кодекса Украины.

И первая, и вторая характеристики нуждаются в дополнительных конкретизациях, ибо возможны ситуации, требующие либо специальной квалификации, либо не подпадающие под общее правило вовсе. Так, членом какой семьи является ребенок, проживающий с одним из родителей (на основании соответствующего соглашения или судебного решения) вследствие прекращения брака между ними или родившийся вне брака? Если конфликта между родителями нет и ребенок общается с отдельно проживающим родителем, а последний выполняет свои обязанности как лично-правового, так и имущественно-правового характера, налицо два семейных союза с участием ребенка или семейный союз специального типа? Возможно, и нет. Не исключен вывод о том, что конструкция права на воспитание/общение отдельно проживающего от ребенка родителя подменяется конструкцией семьи в ее строгом смысле.

Если отец/мать не выполняет своих родительских обязанностей (злоупотребляет родительскими правами), должно следовать одно из четырех вероятий: ограничение в общении, отказ в общении, ограничение в родительских правах, лишение родительских прав. Последнее аннулирует семейно-правовую связь в полном объеме (кроме алиментных обязательств), первые три семейно-правовую связь частично сохраняют, но разрушают семейный союз, ибо наличие означенной связи является необходимым, но недостаточным признаком семьи.

Своеобразием отличается состав семьи с участием несовершеннолетнего родителя, не состоящего в браке, ибо опекун его ребенка, как правило, является попечителем самого не-

совершеннолетнего родителя¹⁵ («иерархическая лестница попечения»).

Небезынтересен и «казус принудительного отцовства»: в доктрине давно обсуждается вопрос об ограничении родительских прав лица, активно противодействовавшего судебному установлению своего родительства и несклонного в последующем добросовестно реализовывать данный статус. Как, впрочем, и вопрос о предоставлении суду права отказывать в иске, если того явным образом требуют интересы ребенка, особенно 10 лет и старше (вплоть до условия о согласии последнего на совершение данного акта)¹⁶. Можно предположить, что в сходном направлении формируется правовая позиция Верховного Суда РФ, допускающего отказ в иске об оспаривании отцовства при наличии ряда значимых обстоятельств, включая прежде всего интересы ребенка¹⁷.

В рамках «правовых качелей» находится в настоящее время возникновение семейно-правовой связи вследствие рождения ребенка по программе суррогатного материнства. Во-первых, специфична таковая связь между ребенком и супругом суррогатной матери, если она воспользовалась правом на запись своего материнства, а ее супруг дал согласие на участие супруги в указанной программе. Во-вторых, несмотря на отсутствие права «одинокого мужчины» вступать в соответствующие правоотношения, это фактически происходит и имеются прецеденты удовлетворения судебных исков о признании их отцовства¹⁸ — при неурегулированности проблемы материнства. Известна также правовая позиция Верховного Суда РФ о возможности преодоления императива нормы ч. 2 п. 3 ст. 51 СК РФ (не только в связи с фактами злоупотребления правом со стороны суррогатной матери, но и в интересах ребенка), что не только может породить коллизию между законом и судебным актом, но и коллидирует с правовой позицией Конституционного Суда РФ, не нашедшего признаков неконституционности указанной нормы¹⁹. Оче-

¹⁵ См., например: *Ильина О. Ю.* Современная российская семья ... С. 14.

¹⁶ См., например: *Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Норма, 2010. С. 245.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». П. 29 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: решение Тушинского районного суда г. Москвы от 19 марта 2014 г. № 2-1472/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 ста-

видно, что накал дискуссии²⁰ и коллизииности позиции судов требует скорейшей оптимизации семейного законодательства: в качестве варианта можно было бы перейти от императива нормы п. 4 ст. 51 СК РФ к диспозитиву, сделав ставку на мотивированное судебское усмотрение.

В этом же неопределенном поле, с точки зрения Г. А. Гаджиева, выраженной в его особом мнении в качестве судьи Конституционного Суда РФ по поводу указанного определения Суда, находится само понятие «мать ребенка», в том числе в контексте неоднозначности применения этого термина к суррогатной матери. В доктрине также по данной проблеме единства нет: мать ребенка — суррогатная мать, генетическая мать и т.п. Дополним: также не вполне определена и конструкция «отец ребенка» (с учетом различных вариантов законного и/или судебно-прецедентного социального отцовства, «отцовства» супруга суррогатной матери).

Не менее остро проявляет себя и проблематика однополых браков и/или однополого родительства²¹. Возникнув из воинствующего феминизма, мультикультурной и гендерной толерантности, концепции абсолютности и универсальности прав человека (в том числе в ипостасях женщины и мужчины, трансгендера, бисексуала, носителя «нулевого пола» и т.д.), идея гендерно нейтральных брака и родительства (изначально и прежде всего — одно-

полого) получила идеологическое одобрение и легальное разрешение (а в контексте дополнительных гарантий защиты — и поощрение) в ряде европейских законодательств и в североамериканском праве. Право ребенка на семейную жизнь, доброе воспитание мамой и/или папой (иными законно замещающими лицами — опекуном, усыновителем/удочерителем и др.) превратилось в право взрослого человека на ребенка, чьи интересы не оценены, а последствия гендерного разнообразия родительства — не исследованы²².

Как известно, ни тому, ни другому российский законодатель значения не придает и возможности, казалось бы, не предоставляет. Однако «подводная часть айсберга» отнюдь не столь очевидна по своей сущности. С одной стороны, из ст. 12 СК РФ вроде бы следует, что супружество возникает между мужчиной и женщиной²³. Это подтверждается и толкованием Конституционного Суда РФ²⁴. С другой стороны, как неоднократно отмечалось в цивилистике, в ситуации смены пола в действующем браке и отсутствия правовых последствий данного действия для правоотношений супружества мы получаем не столько фактический, сколько юридический однополый брачный союз, а если у супругов до смены пола родились общие дети — то и однополое родительство.

Неочевидна и нормативно-правовая прозрачность брачных отношений между российскими гражданами, возникших по правилам

ты 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См., например: *Момотов В. В.* Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // *Lex russica*. 2019. № 1. С. 29—39 ; *Тарусина Н. Н.* Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica*. 2019. № 5. С. 40—48.

²¹ Социологический контекст проблемы весьма ярко представлен в работах А. Г. Щелкина (см., например: *Щелкин А. Г.* Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // *Социологические исследования*. 2013. № 6. С. 132—141 ; *Он же.* Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // *Социологические исследования*. 2019. № 11. С. 152—160).

²² См. также: *Новоселова Е. Н.* Однополый «брак» — тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // *Вестник Моск. ун-та. Серия 18 : Социология и политология*. 2013. № 4. С. 85—103 ; *Тарусина Н. Н.* О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // *Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки*. 2014. № 2. С. 48—52.

²³ А если следовать правилам гендерно нейтральной филологии — между женщиной и мужчиной.

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (примечание: в рамках обсуждения конституционных поправок было предложено вывести требование о браке как союзе мужчины и женщины на конституционный уровень. Следует заметить, что это не является эксклюзивом — в конституциях ряда стран ровно это и зафиксировано, хотя и в разных формулировках (например, в ст. 32 Конституции Республики Беларусь, ст. 18 Конституции Республики Польша и др.)).

ст. 158 СК РФ, то есть в соответствии с иностранным законодательством, допускающим однополые союзы. Ссылка на возможность их непризнания в связи с противоречием основам российского правопорядка (ст. 167 СК РФ), конечно, возможна. Однако благонадежнее (целесообразнее) запреты п. 1 ст. 158 СК РФ, вытекающие из нормативов ст. 14 СК РФ, дополнить ссылкой на ст. 12, а возможно, и ст. 15 СК РФ. Полагаем, в данном случае очевидное явно лучше усмотренческого, формальная определенность — ситуационности²⁵. К чему множить фактические прецеденты, чтобы затем административными и судебными усилиями их преодолевать?..

Однополое родительство, возникающее вследствие смены пола одним из супругов-родителей, с очевидностью продолжается и после расторжения брака. Единственным основанием прекращения данного состояния являются установленные судом в процессе о лишении родительских прав факты злоупотребления этими правами²⁶. И это притом, что пункт 13 ст. 127 СК РФ содержит запрет усыновления/удочерения гражданами государств, законодательство которых разрешает однополые браки, а правило ст. 137 СК РФ юридически приравнивает правоотношения родительства и усыновления/удочерения.

Следует также заметить, что законодатель иногда (скорее всего, именно вследствие неопределенности понятия семьи) избыточно широко употребляет термин «член семьи»²⁷ применительно, казалось бы на первый взгляд, к классическим субъектам данного вида. Например, в гл. 15 «Алиментные обязательства других членов семьи» СК РФ он перечисляет близких родственников (бабушек, дедушек, братьев, сестер), свойственников (мачеху, отчима, падчерицу, пасынка), фактических воспитателей, которые действительно являются или являлись членами соответствующего семейного союза либо, напротив, никогда ими не были.

Как справедливо подчеркивают некоторые цивилисты²⁸, в данном и подобных ему случаях термин используется некорректно («спустя рукава») — вместо адекватных обозначений различных видов субъектов правоотношений, в том числе семейных. Данная корректировка, по сути, продолжает ряд уточнений правового статуса отца, суррогатной матери и др. (в специальных обстоятельствах), о которых мы писали ранее.

Третья характеристика семейного союза — осуществление общей экономической функции, ведение общего хозяйства (в самых различных вариантах домохозяйства, включая фермерство, иной семейный бизнес). В конце концов супруги или иные субъекты семейной общности могут питаться исключительно в кафе и/или ресторанах, не проводить совместно отпуска, индивидуализировать свой досуг и т.п... Однако при этом все же должны, как и другие участники различных типов семейного союза, взаимно участвовать в формировании семейного бюджета (при отсутствии доходов — за счет вклада домашним трудом на благо семьи), расходовании его ресурсов на семейные нужды. В этой связи полагаю возможным высказать три соображения.

Во-первых, разумеется, данные условия не относятся к детям, хотя и не исключают их участия в той или иной форме в семейном домохозяйстве. Кстати, в отличие от российского законодателя, по умолчанию, вслед за доктриной, отрицающего наличие у детей обязанностей, в том числе в семейной сфере, ряд законодателей некое подобие обязанностей фиксируют. Например, в соответствии с нормой ст. 1619 Гражданского уложения Германии дети обязаны посильным способом помогать родителям в домашнем хозяйстве и в их делах. Да, правилу присущ декларативный характер, оно не поддерживается поощряющей или принуждающей санкцией, однако, на наш взгляд, имеет право на существование. Это тем более

²⁵ Подробнее см., например: *Тарусина Н. Н.* Семейное законодательство — парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 98—99.

²⁶ Именно так поступил суд, признав, что действия отца, сменившего пол на женский, наносят существенный вред ребенку, которого после общения с «экс-отцом — матерью» приходилось неоднократно консультировать у психотерапевта и психиатра. См.: *Тарусина Н. Н., Сочнева О. И.* Права детей. М.: Проспект, 2019. С. 79.

²⁷ Это уже стало традицией, истоки которой мы продемонстрировали ранее на примере юридических фактов примачества, а также домоводства сторонних лиц.

²⁸ См., например: *Мананкова Р. П.* Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. Томск: ТГУ, 1991. С. 47—48.

было бы справедливо применительно к российскому семейному законодательству, ибо СК РФ содержит немало этических конструктов, которым придается юридическое значение²⁹. Кроме того, в соответствии с предписаниями ст. 43 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дети (и отнюдь не с 14 лет) могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности за неисполнение ряда обязанностей в указанной сфере³⁰. Значит, конструкция обязанностей к детям вполне приложима.

Во-вторых, несмотря на гендерно прогрессивный характер российского семейного законодательства (кроме периода с 1944 по 1967 г.), до настоящего времени в СК РФ отсутствует исключительно важная оговорка о том, что ведение домашнего хозяйства является общественно значимым трудом. Это, в частности, не позволяет хотя бы как-то защитить имущественные интересы в фактическом браке (той его разновидности, которая характеризуется длительным устойчивым совместным проживанием и общим домохозяйством) и надежнее охранить права и интересы «классических супругов». Между тем белорусский законодатель считает, что воспитание детей и ведение домашнего хозяйства безусловным образом квалифицируется в качестве разновидности общественно полезного труда (ч. 3 ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье). Российский законодатель в принципе с ним солидарен. Однако эта солидарность, во-первых, выражена косвенно — через норму п. 3 ст. 34 СК РФ о возникновении режима совместной собственности и в ситуации, если один из супругов не имел самостоятельного дохода по уважительным причинам (вел домашнее хозяйство, воспитывал детей и т.п.)³¹. Кроме того, она утрачивается (или с высокой степенью вероят-

ности — может утрачиваться) при подключении технологии брачного договора.

В-третьих, полезно сделать и частное замечание: брачный договор, в котором избран раздельный режим собственности, не должен признаваться действительным, если в нем не предусмотрены хотя бы минимальные требования к формированию супругами общесемейного бюджета, ибо в отсутствие указанного условия такой договор не соответствует началам семейного законодательства и сущности семьи, которая опосредованно в этих началах просматривается — через призывы к заботе и взаимной поддержке членов семьи (ч. 2 п. 1, ч. 3 ст. 1 СК РФ).

Четвертая характеристика семейного союза — осуществление взаимной поддержки (а в ситуации с несовершеннолетними детьми, соответственно, поддержки взрослых членов семьи в адрес несовершеннолетних³²), решение семейных вопросов на основе последовательного ряда соглашений. Как мы отмечали ранее, в цивилистике сущность семьи предлагается также «прочитывать» с помощью конструкции простого товарищества, договора о совместной деятельности. Во-первых, в определенном смысле и брак может быть отнесен к такому договору, тем более что его договорная природа признавалась и признается многими цивилистами — от Г. Ф. Шершеневича до современных представителей юридической науки³³. Во-вторых, договорные основания по типу совместной деятельности имеют родительские правоотношения, приемная семья, правоотношения суррогатного материнства, несовершеннолетнего родительства — в рамках опекуновства детей³⁴ и т.д. При этом аналогия с гражданско-правовым возмездным оказанием услуг здесь совершенно

²⁹ Подробнее об этом см., например: Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. С. 53—58.

³⁰ Подробнее см., например: Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Указ. соч. С. 9—11.

³¹ Примечательно, что первый кодифицированный акт о браке и семье был выстроен на основе идеи о раздельном режиме имущества супругов как гарантии принципа равенства, освобождения женщины от гнета патриархического брака, а второй — на конструкции совместной собственности как гарантии защиты социально слабой стороны и справедливого учета домашнего труда женщины (см., например: Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М.: Госюриздат, 1958. С. 269—270).

³² Отдельная правовая композиция выстраивается между несовершеннолетними родителями, не состоящими в браке, и их родителями/родителем, выполняющими функции опекуна детей своих детей и попечителя своих детей (ст. 62 СК РФ).

³³ Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. С. 58—63, 67—129.

³⁴ См.: Ильина О. Ю. Современная российская семья ... С. 14.

неуместна, противоречит существу семейных правоотношений, сугубо отличных по своей природе и целям от правоотношений гражданского оборота³⁵.

Отсутствует определенность в субъектной (пятой?) характеристике семьи: большинство цивилистов полагают, что субъектностью обладают только отдельные члены семьи, а не семья в целом. Это спорно и нуждается в дальнейшем о том рассуждении: семья как «организационно-правовая единица» рассматривается и в качестве домохозяйства (особенно такая разновидность, как фермерское хозяйство, объединяющее членов семьи), и в качестве, как мы только что констатировали, договора простого товарищества или особой разновидности объединения граждан семейно-правового типа. Так, многодетная семья, например, имеет разнообразные льготы именно как особое объединение. То, что ресурсы и иное вспомоществование предоставляются одному или нескольким ее членам, можно квалифицировать как представительство общесемейных интересов. Отсутствие юридического лица также не есть доказательство полного неприменения к ней конструкции специфической (специальной) правосубъектности — юридического лица могут не иметь и другие объединения, которые не объявляются на этом основании фикциями, юридически «эффемерными» конструктами. Более того, если до настоящего времени в законодательстве и не было прямых указаний на ее суверенный статус, то из этого не следует, что соответствующей попытки не случится никогда.

Некоторые авторы выступают против использования применительно к семье термина «объединение», подчеркивая, что семья — «социобиологический институт, в котором про-

исходит единение личности», особая ячейка общества³⁶. В качестве дополнительного аргумента они апеллируют к ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 67 Конституции Португалии, ст. 1 Семейного кодекса Кыргызстана, в которых в качестве родового понятия применяется именно термин «ячейка общества». Однако последний — далеко не юридического свойства. Если обратиться к его филологическим трактовкам, демонстрирующим разные смыслы, то, например, «партийная ячейка» — как раз и представляет собой разновидность объединения...

Таким образом, выявление существенных признаков семьи вполне достижимо, несмотря на гибкость, изменчивость, вариативность данной конструкции. На разных этапах развития цивилистической доктрины выстраивались обоснованные позиции³⁷; предпринималась попытка получения конституционного толкования понятия — ввиду его неопределенности, с одной стороны, и высокой значимости — с другой³⁸; региональные законодатели предлагали свои определения³⁹; не остается в стороне и ЕСПЧ, впрочем преимущественно толкуя конструкцию права на семейную жизнь, в ряде случаев существенно расширяя и без того вполне объемную сферу применения конструкции семьи: от предположения семьей фактических брачных отношений (что, с нашей точки зрения, справедливо) до известной подмены конструкции семьи правом на общение с ребенком различными лицами⁴⁰, включая совершенно особенные случаи, которые сами по себе требуют внимания и поддержки, но отнюдь не в контексте права на семью.

С оптимизмом полагаем, что предложенный «спектральный» анализ правовой сущности конструкции семьи, вслед за разработками

³⁵ См.: *Ильина О. Ю.* Современная российская семья ... См. также: *Тарусина Н. Н.* Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. С. 4—52.

³⁶ См.: *Романовская О. В.* «Семейные» объединения граждан в российском праве // *Правоведение.* 2009. № 5. С. 123.

³⁷ Кроме уже обозначенных, см. также: *Шершень Т. В.* В Год семьи о понятии семьи в современном российском праве // *Семейное и жилищное право.* 2008. № 5. С. 2—6.

³⁸ В 2001 г. с соответствующим запросом в Конституционный Суд РФ обратилась Костромская областная Дума, но получила отказ в принятии заявления к рассмотрению за неподведомственностью (подробнее см.: *Шершень Т. В.* О значении решений Конституционного Суда Российской Федерации в защите семейных прав и правовом регулировании семейных отношений // *Семейное и жилищное право.* 2009. № 2. С. 6).

³⁹ Подробнее см.: *Шершень Т. В.* В год семьи о понятии семьи ... С. 2—6.

⁴⁰ См., например: постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. «Дело “Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

и размышлениями немало число представителей науки семейного права, активно и плодотворно приближает нас к юридически корректной и социально полезной законодательной дефиниции семейного союза в СК РФ, а также конкретизации видов данного союза, позволяющей правоприменителю адекватно толковать сущность семьи, отграничивать ее воплощения от близких семейно-правовых конструкций. В качестве предположения можно руководствоваться следующей версией: семья есть объединение граждан, которые находятся в предусмотренной законом семейно-правовой связи (на основе супружества, родительства и детства, родства, свойства, опеки и (или) попечительства, приемного родительства, усыновления (удочерения), иждивения и др.), совместно проживают и ведут общее домохозяйство, наделены правами и обязанностями, соответствующими статусу семьи; членство в семье сохраняется при временном разделении

и проживании, обусловленном уважительными причинами.

Памятуя об известном риторическом вопросе «нужен ли нам новый Семейный кодекс?»⁴¹, с одной стороны, если иметь в виду только его обогащение за счет дефиниции семьи, готовы ответить на данный вопрос отрицательно, ибо это не создаст чрезвычайной технологической ситуации. С другой стороны, подобный шаг неизбежно породит и следующие: кодекс нуждается в норме, закрепляющей понятийный ряд в целом, конструкции семейно-правовых договоров, способы защиты субъективных семейных прав и интересов, коррекции статуса родителей и детей и т.д.⁴² А это уже потянет на большие проектные работы. Новый Семейный кодекс, возможно, не нужен сей же час, но окажется необходимым в обозримом будущем. Сей же час следует ускорить открытие указанного понятийного ряда нормативно-правовым конструктом семьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. — М. : Норма, 2010. — 432 с.
2. Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право. — М. : Юрид. литература, 1974. — 304 с.
3. Бошко В. И. Очерки советского семейного права. — Киев : Госполитиздат, 1952. — 371 с.
4. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М. : Проспект, 2006. — Т. 3. — 784 с.
5. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева. — М. : Проспект, 2016. — Т. 3. — 736 с.
6. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. — М. : Городец, 2007. — 192 с.
7. Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 1. — С. 12—15.
8. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Л., 1965. — Т. 3. — 347 с.
9. Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. — 1999. — № 3. — С. 105—120.
10. Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 1. — С. 3—7.
11. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. — М. : Госюриздат, 1958. — 160 с.
12. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. — М. : Проспект, 2015. — 480 с.
13. Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 4. — С. 26—42.
14. Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. — Томск: ТГУ, 1991. — 230 с.
15. Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. — 2019. — № 1. — С. 29—39.
16. Нечаева А. М. Семейное право : учебник. — М. : Юрайт, 2019. — 294 с.
17. Нечаева А. М. Семейное право. Актуальные проблемы теории и практики. — М. : Юрайт, 2007. — 280 с.

⁴¹ См.: Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3—7.

⁴² Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex russica. 2014. № 3. С. 314—323.

18. Новоселова Е. Н. Однополюй «брак» — тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. — 2013. — № 4. — С. 85—103.
19. Романовская О. В. «Семейные» объединения граждан в российском праве // Правоведение. — 2009. — № 5. — С. 121—133.
20. Семейное право : учебник / под ред. Е. А. Чехрановой. — М. : Юрайт, 2019. — 331 с.
21. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. — М. : Проспект, 2010. — 224 с.
22. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2014. — № 2. — С. 48—52.
23. Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex russica. — 2014. — № 3. — С. 314—323.
24. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство — парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. — 2019. — № 9. — С. 96—109.
25. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. — М. : Проспект, 2014. — 288 с.
26. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. — 2019. — № 5. — С. 40—48.
27. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. — М. : Проспект, 2019. — 176 с.
28. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — Казань, 1905. — 795 с.
29. Шершень Т. В. В Год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. — 2008. — № 5. — С. 2—6.
30. Шершень Т. В. О значении решений Конституционного Суда Российской Федерации в защите семейных прав и правовом регулировании семейных отношений // Семейное и жилищное право. — 2009. — № 2. — С. 3—7.
31. Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. — 2019. — № 11. — С. 152—160.
32. Щелкин А. Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. — 2013. — № 6. — С. 132—141.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2020 г.

REFERENCES

1. Antokolskaya MV. *semeynoe pravo : uchebnik* [Family Law: Textbook]. Moscow: Norma; 2010. (In Russ.)
2. Belyakova AM, Vorozheikin EM. *Sovetskoe semeynoe pravo* [Soviet Family Law]. Moscow: Yurid. literatura; 1974. (In Russ.)
3. Boshko VI. *Ocherki sovetskogo semeynogo prava* [Essays of the Soviet Family Law], Kiev: Gosolitizdat; 1952. (In Russ.)
4. Sergeev AP, Tolstoy YuK, editors. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik* [Civil Law: A Textbook]. Vol. 3. Moscow: Prospekt; 2006. (In Russ.)
5. Sergeev AP, editor. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik* [Civil Law: A Textbook]. Vol. 3. Moscow: Prospekt; 2016. (In Russ.)
6. Ilyina OYu. *Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Problems of Interest in Family Law of the Russian Federation]. Moscow: Gorodets; 2007. (In Russ.)
6. Ilyina OYu. *Sovremennaya rossiyskaya semya kak dogovor prostogo tovarishchestva* [A Modern Russian Family as an Agreement of Simple Partnership]. *Family and Housing Law*. 2019;1:12—15. (In Russ.)
8. Ioffe OS. *sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Vol. 3. Leningrad; 1965. (In Russ.)
9. Kosova OYu. «Fakticheskie braki» i semeynoe pravo [“Actual Marriages” and Family Law]. *Pravovedenie*. 1999;3:105—120. (In Russ.)
10. Krasheninnikov PV. *Nuzhen li Rossii novyy semeynyy kodeks?* [Does Russia need a new Family Code?]. *Family and Housing Law*. 2017;1:3—7. (In Russ.)
11. Kurskiy DI. *Izbrannye stati i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow: Gosyurizdat; 1958. (In Russ.)
12. Lushnikov AM, Lushnikova MV, Tarusina NN. *Gender v zakone* [Gender in Law]. Moscow: Prospekt; 2015.

13. Manankova RP. Poyasnitelnaya zapiska k kontseptsii novogo Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Explanatory Note to the Concept of the New Family Code of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2012;4:26—42. (In Russ.)
14. Manankova RP. Pravovoy status chlenov semi po sovetskomu zakonodatelstvu [A legal status of family members under the Soviet legislation]. Tomsk: Tomsk State University; 1991. (In Russ.)
15. Momotov VV. Bioetika v kontekste zakonodatelstva i pravoprimeneniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the context of legislation and law enforcement (surrogate motherhood)]. *Lex russica*. 2019;1:29—39. (In Russ.)
16. Nechaeva AM. Semeynoe pravo : uchebnik [Family law: textbook]. Moscow: Yurait; 2019. (In Russ.)
17. Nechaeva AM. Semeynoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki [Family Law. Actual Problems of Theory and Practice]. Moscow: Yurait; 2007. (In Russ.)
18. Novoselova E. Odnopolyy «brak» — tupikovaya vetv evolyutsii semi i obshchestva [Same-sex “marriage” is a dead-end branch of evolution of family and society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]*. 2013;4:85—103. (In Russ.)
19. Romanovskaya OV. «Semeynye» obedineniya grazhdan v rossiyskom prave [“Family” associations of citizens in the Russian law]. *Pravovedenie*. 2009;5:121—133. (In Russ.)
20. Chefranova EA, editor. Semeynoe pravo : uchebnik [Family Law: A Textbook]. Moscow: Yurait; 2019. (In Russ.)
21. Tarusina NN. Brak po rossiyskomu semeynomu pravu [Marriage under the Russian Family Law]. Moscow: Prospekt; 2010. (In Russ.)
22. Tarusina NN. O novom kontsepte braka, ili «pyatoy kolonne» v brachnom prostranstve [On the New Concept of Marriage, or the “Fifth Column” in the Area of Marriage]. *Vestnik YarGU. Seriya gumanitarnye nauki*. 2014;2:48—52. (In Russ.)
23. Tarusina NN. Rossiyskoe semeynoe zakonodatelstvo: osnovnye tendentsii razvitiya [Russian Family Law Laws: the Main Tendencies of Development]. *Lex russica*. 2014;3:314—323. (In Russ.)
24. Tarusina NN. Semeynoe zakonodatelstvo — paradoksov drug [Family Laws — the Friend of Paradoxes]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2019;9:96—109. (In Russ.)
25. Tarusina NN. Semeynoe pravo: v «orkestrovke» suverennosti i sudebnogo usmotreniya [Family Law: in the “orchestration” of sovereignty and judicial discretion]. Moscow: Prospekt; 2014. (In Russ.)
26. Tarusina N. Sudebnaya praktika po semeynym delam: problemy usmotreniya na grani pravotvorchestva [Judicial Practice in Family Cases: Problems of Discretion on the Verge of Law-making]. *Lex russica*. 2019;5:40—48. (In Russ.)
27. Tarusina NN, Sochneva OI. Prava detei [Rights of Children]. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
28. Shershenevich GF. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [A Textbook of Russian Civil Law]. Kazan; 1905. (In Russ.)
29. Shershen TV. V God semi o ponyatii semi v sovremennom rossiyskom prave [In the Year of the Family about the Concept of the Family in Modern Russian Law]. *Family and Housing Law*. 2008;5:2—6. (In Russ.)
29. Shershen TV. O znachenii resheniy konstitutsionnogo suda rossiyskoy federatsii v zashchite semeynykh prav i pravovom regulirovanii semeynykh otnosheniy [The Importance of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Protection of Family Rights and Legal Regulation of Family Relations]. *Family and Housing Law*. 2009;2:3—7. (In Russ.)
31. Shchelkin AG. Legalizatsiya odnopolnykh brakov: k voprosu o sotsialno-tsivilizatsionnykh posledstviyakh [Legalization of same-sex marriages: to the question of social-civilizational consequences]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia [Sociological Studies]*. 2019;11:152—160. (In Russ.)
32. Shchelkin AG. netraditsionnaya seksualnost (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) [Non-traditional sexuality (experience of sociological research)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia [Sociological Studies]*. 2013;6: 132—141. (In Russ.)